

исключительное право законодательства за парламентом, потом — на время войско, суды и т. д. Карл имел неосторожность выписать для совещания Стратфорда; он неохотно поехал, зная, что в Ирландии мог быть более полезен. Но он был смелый и неукротимый человек, явился в нижнюю камеру; при входе ему тотчас приказали стать на колена, Стратфорд смутился, его приговорили отправить в Лондонскую башню. Если б король был тверд теперь, он мог бы, по крайней мере, спасти жизнь его, но он молил о министре, а голова того была обречена. Вместе с ним осужден архиепископ Лондонский, Звездная камера была распущена; парламент оправдал действия шотландцев. Когда король поехал туда, там вспыхнул мятеж; католики вырезали протестантов. Это могло быть объяснено характером шотландцев. Но политические партии приняли это по-своему, назвали Карла виновником этого дела.

Между тем начался знаменитый процесс Стратфорда. Благороднее и тверже его в защищении себя трудно представить, он тронул до слез своих главных врагов, но не из личной ненависти они боролись с ним; приговор произнесен. Король колебался подписать, Стратфорд писал ему, что лучше утвердить, сам он не надеется на силы свои. В сущности, писав это, Стратфорд надеялся на короля, но Карл не имел твердости. Стратфорд умер твердо, покойно; в некоторых словах его вырвалось неуважение к королю.

Положение парламента теперь определилось ясно. Его убеждения религиозные были чисто пресвитерианские. Король должен был отправить во Францию супругу; в 42 году он сам удалился из Лондона в Йорк. Собственно, при нем уже не было людей, которые могли бы заменить Стратфорда. Самые талантливые лица стояли на стороне парламента. Замечательнейшим из лиц, следовавших за Карлом, был лорд Фалькен — одно из самых трагических и изящнейших, благороднейших явлений. Он был из аристократов, необычайно образованный, богато одаренный природою. Он стоял во главе оппозиции, но, когда требования ее пересилили меру, он перешел в посредники; но роль посредника была опасна, он остался в середине, на почве строгой законности. Когда король выехал, Фалькен с сокрушенным сердцем последовал за ним. Он думал, что права теперь на стороне короля, он служил ему словом и кровью, он искал смерти и нашел ее в одном из первых сражений, не нося ни каски, ни панциря. На стороне парламента были Гампден, Галлис, Пим, и начинала уже обрисовываться странная фигура Кромвеля. Это загадочное лицо подало повод к разноречащим толкам: одни видели в нем лицемера, другие — фанатика; может быть, в нем соединилось и то и другое. О Кромвеле мы имеем превосходное собрание документов, изданных Томасом Карлейлем³ и послуживших основой труда d'Aubigné (в прошлом году *Histoire de...*)⁴. Из них видно следующее: во 1-х, Кромвель не был человеком низкого происхождения, принадлежал к одной из самых знатных фамилий; получил отличное образование, с молодости отличался мрачным и задумчивым характером, ведшим